Автор: Administrator
11.08.2008 22:13 - Обновлено 08.10.2018 07:25

Чудо-река, течешь ты меж обрывистых берегов, поросших деревьями. Бывает, среди суматошной городской спешки поднимешь голову, и будто наяву проплывет перед тобой зубчатая кромка крон, а ветер, прилетевший, кажется, с деснянских далей прямиком в самый центр города, вдруг напомнит о тебе.
Десна теряет свое очарование, если быть с ней слишком долго. Рассветы, которые, кажется, никогда не наскучат, отравляют порезанные ноги, заложенное горло, отсутствие сахара, чая, клёва, бодун, проклятые насекомые….Но как рвешься к ней весной после долгой зимней разлуки!

Товарищ поднимает выпавшую из норы пичугу, бережно водружает её на место. С обрыва, на котором мы стоим, видны «реки извивы». С нами, вернее с товарищем, девушка, которая… давно уже не девушка, но! – выросла в каменных джунглях, и потому все, что хоть отдаленно напоминает джунгли настоящие, вызывает в ней внутренний трепет. Поход-это война! Дождь – стихийное бедствие. Она большая душка, хоть физиономия конопатая, просто ужас; одела, милая дурочка, соломенную шляпку, и, сидя в байдарке, что-то кокетливо говорит «про краєвиди», хочется верить, что мне говорит. И вправду, вечер чудесный, но многодневка это вам не катание, по Гидропарку на лодочке, взятой на час напрокат. И вот мы с товарищем стоим на обрыве. Внизу вьет свои струи речка Десна и мило улыбается нам Света, времени уже семь часов, место для бивуака еще не выбрано, а на горизонте безмятежность теплого летнего вечера дала трещину и в эту трещину просачивается душная гниль близкой грозы.
Хороший был вечер. Были ночи, когда ветер ревел, срывая палатку, в блеске клинков молний вдруг отчетливо вырисовывалось здоровенное сухое дерево, которое, казалось, ветер вот-вот вывернет вам на голову. В такие минуты к опасению за свою шкуру примешивалась веселая мысль о том, как глупо пропасть из-за сухого дерева в 30 километрах от Киева, вообще чуть ли не дома. К счастью, у страха оказывались глаза велики, или деревья падали в другую сторону.
Для общения с природой совсем не обязательно уезжать далеко. В один из недавних выездов на Десну стал свидетелем ссоры ежей. Прерывистое громкое шипение заставило бросить варку макарон и схватить фонарик. Луч света выхватил из темноты… двух опешивших ежиков и предмет раздора – полупустую банку из-под кабачковой икры, которую мы накануне в суматохе (начинался дождь) забыли возле палатки. Пока автор этих строк бегал за фотоаппаратом, один еж куда-то удрал… Позже, в тот же вечер развеселил бродячий котище, который светлым пятном крался к свежепосоленной рыбе. Говорят, правда, что коты соленой рыбы не едят. Я не стал выяснять гастрономические пристрастия усатого, а просто, от кота подальше, закопал улов в песок.
Помимо ежиков, случаются и другие встречи. Так, на огромном острове в междуречье Любича и Десны, что тянется от Крехаева до Леток, встречается енотовидная собака и лисица. Обычно кумушку не так-то просто увидеть. Но накануне трава на большом участке луга была скошена. Дикие животные, двигаясь по привычным для них тропкам, еще вчера надежно защищенные от людского ока травой метровой высоты, сегодня лишились этой защиты. Возвращаясь из деревни, куда ходил за водой, краем глаза

заметил быстрое движение. Рыжая лисица бежала по лугу метрах в шестидесяти от меня. Молнией пробежав оставшиеся несколько метров, исчезла в зарослях ежевики, что в этом месте тянутся полосой двухсотметровой ширины вдоль берега Десны.
А вчера, вечером к нам с приятелем «на огонек» зашла… енотовидная собака. Уже почти совсем стемнело, мы с товарищем, поужинав, пили чай у костра. На шорох в кустах сначала не обратили внимания, решив, что это снова ежик пожаловал. Потом все же посветили фонариком, и увидели желтые, тускло горящие глаза. Зверь не спешил убегать, но и ближе десяти шагов к себе не подпускал. Да и мы не особенно стремились к сближению. Постояв так несколько минут, енотовидная собака (а это была она) исчезла в прибрежных кустах.
Что заставило зверя, позабыв осторожность, приблизится к человеческой стоянке почти вплотную? Ведь горел костер, на зверя падал луч фонаря. Версию о голоде можно исключить сразу – стоял июль, вода в Десне стремительно падала, и на отмелях обсыхали сотни двустворчатых ракушек – обычная пища этого животного. Возможно, зверь был нездоров – среди енотовидных собак нередки случаи бешенства. А может, простое любопытство привело его к рыбацкому костру.
Очень распространены по берегам Десны аисты (обыкновенный, но несколько раз мне встречался и черный), цапли – белая и серая. Бывает, идешь по реке на байдарке, и едва ли не в конце каждой косы, стоит, уныло поджав одну ногу, цапля.
Десна!.. Стеклянная гладь воды такая ровная, что не хочется нарушать ее гребком весла. Байдарка плывет, чуть отставая от течения реки. Сквозь прищуренные веки лениво наблюдаешь, как коса медленно сменяется белым-белым песчаным обрывом. Предвечерье. Будто уже почти дома. А где это – дома?..

ЕДУ Я НА РОДИНУ

Пирново!.. Край зеленой травы-муравы и придорожной пыли, в которой утопают босые ноги. Страна водяных струй и мачтового леса. Мир, насквозь пропахший детством.
Я иду по косе. Бескрайний песчаный остров тянется на несколько сот метров, и отсюда кажется, доходит до противоположного берега, перекрывая путь воде. Понимая, что такого быть не может, все-таки, словно мальчишка, идешь проверить. Мальчишка, тот, который во мне, как будто ждал этого момента, чтобы проснуться. Идешь, а песок под ногами такой же, как двадцать лет назад. И перевальный знак на том берегу. Прокричать на ухо – «Вот мы и приехали!»... Но почему-то послышалось – «Вот мы и дома!».

Человек верит в то, во что ему хочется верить. И кажется мне – сейчас четыре часа пополудни, а в пять я вбегу, незамеченный, в ворота базы отдыха «из дальних странствий возвращаясь…». И мама окликнет: «Же-е-ня…». А потом пойду на рыбалку. Может быть, гранитные глыбы на берегу будут влажными от прошедшего дождя. А быть может, и нет. Над рекой тишина, какой она бывает только здесь, над Десной, когда вдруг затихает смех на пляже – беззаботный, девичий, и не слышен за поворотом рокот самоходки. Лишь терпко пахнет ивняк, да на том берегу рыбаки разжигают костер, и белые ленты дыма нехотя поднимаются вверх, путаясь в ветвях. А вода? Как тепла она

этим июньским вечером! «Как парное молоко», шепчешь ты, и, закатав штаны, заходишь в воду. Вот, облюбованное место – несколько лет назад здесь стояла пристань. Теперь ее убрали. «Подушки» в Пирново уже не ходят – говорят, «берега размывают». Только в субботу и воскресенье приходит пассажирский катер из Киева, причаливая прямо к берегу. А сегодня... какой сегодня день? Да какая разница – все лето впереди!
Разматываю удочку, насаживаю на крючок червя и делаю заброс. Самодельный поплавок, сделанный из мелкопористого пенопласта, поплыл по суводи. Повторяя про себя строки «из Сабанеева» – «забрасывая наживку как бы между двумя струями», перезабрасываешь снасть, стараясь как можно аккуратнее опустить поплавок на воду. Беззвучно! Поплавок, проплыв несколько метров, исчезает под водой. Зацеп? Подсечка – и стограммовый носарь оказывается на берегу. Хорошо, что не зацеп. Потому что ракушки, устилающие поверхность камней под водой, большие любители дождевых червей и не раз выигрывали состязание с леской за обладание крючком.
Выбирая из накопанных накануне в прошлогодних листьях дождевых червей самого подвижного, не большого, но и не маленького, цепляешь его на «арсенальский» крючок. Снова проводка, и поклевка, но на крючке – пусто. Вознамерившись поймать невиданную рыбу, повторяешь заброс. Маленький пескарик со свежайшим дождевым червяком во рту вылетает из воды. И, хотя еще несколько мгновений колеблешься, ловить ли «на живца» или снять того с крючка, пескарик, спустя несколько секунд отправляется в родную стихию с крючком во рту – вдруг что-то клюнет?..
Время идет, а большая рыба все не клюет. Удочка закрепляется в камнях на берегу. Юный рыболов отправляется спросить о чем-то отца, затем еще куда-то по своим ребячьим делам. Пескарик водит поплавок кругами по суводи – то притопит поплавок, то на воду выложит. И вдруг тонет поплавок, и леска натянулась, как струна.
Первого в своей жизни судака я вытащил – выбросил на прибрежные камни за несколько секунд. Повезло юному рыболову и в том, что судак попался – обычный «пистолет», а не монстр речных глубин, и в том, что засекся он прочно без чьей-либо помощи за кромку, окаймляющую пасть... А потом щука, такая же зеленая, как рыболов, ее поймавший, очутилась на берегу. Радость. Простую рыбацкую радость подарила мне в тот вечер Десна. Но разве забудешь такое? А над этим – беззаботное небо, и все лето – как один длинный день.
Смеркается - время идти на базу отдыха. Желтые огоньки горят сквозь июньскую листву. Здешняя природа на короткой ноге с человеком и деяниями рук его – деревянными «финскими» домиками и пыльными проселочными дорогами. Туча не станет медленно сгущаться, погромыхивая, чтобы через какое-то время пролиться ливнем на теплый асфальт, как в Городе. Просто, атмосферный фронт незаметно надвинется на десяток деснянских сел, скрыв за дождевой завесой, из самого редкого ситца. Проснутся сверчки, и в их музыку незаметно вплетется шепот листвы под дождем. А передовые отряды туч, захватив без боя разбросанные под дубовым сводом полтора десятка домиков, двинутся дальше, набирая силу, чтобы через несколько часов бесславно разбиться о сотни крыш миллионами капель. Раскаты грома заставят женщин заворочаться во сне и крепче обнять своих мужчин.
Мокрая ночная трава, лужицы тропинок, по которым ты когда-то шагал в скользких вьетнамках. Ежики, которых было так много вечером за клубом. Но, сколько не вспоминай, прошлого не вернуть. Базу отдыха продали, и нет уже ни беседок под замшелым шифером, ни клуба с бильярдом и черно-белым телевизором. Время,

безжалостное время, которое разрушает дворцы и превращает в песок пирамиды – что для него полтора десятка домиков под дубовым сводом?

Вечереет. Я, большой дядька, сорвавшись с места, почти бегу. Узкая тропинка вьется вдоль реки, между огородом и каменистым берегом. Уже слышен запах зарослей хмеля… проскакиваю «страшный» дуб в три обхвата… ну же! Мама, Мишка, Наташка – куда вы все подевались?.. Не горят желтые фонари, нет автомашин на стоянке. Ни сторожа, ни собак. Словно я чужой на этой земле. На месте снесенных щитовых домиков рабочие возводят новые, капитальные строения... да только это уже не мое. И не найти то место, где всю ночь напролет говорили с Наташкой. О чем – кто знает...

«...Кажется мне, что короткая сказка не оборвется
Только луна, словно детская маска, грустно смеется
Июнь Июльевич Август, мой добрый волшебник смешной
Ту дверцу зеленую, дверцу зеленую в детство мое приоткрой...»

За разросшейся акацией и ольхой раньше была пристань. Вместо нее – обнажившийся глинистый берег. Бутовый камень в этом месте почти весь растащили – на модные фундаменты. «Здравствуй, Десна», шепчут губы. Прошлого не вернуть. Чудес не будет. Сколько лет честно отдано борьбе за диваны, за граненые стаканы и будущие кусочки колбасы... И теперь я понимаю, что обманул своих домашних, когда сказал им, что «еду на рыбалку». Потому что просто приехал к Тебе.
А чудо... чудо все же случилось по дороге. Сосредоточенное «чудо» стоит ко мне задом, к реке – передом. Незнакомый мальчонка в выгоревшей кепке. И мне вдруг почему-то очень захотелось, чтобы хорошая рыба – язь или подуст, пройдя мимо сверхсовременных снастей, соблазнилась сегодня незатейливым червячком на ребячьей удочке. Чтобы был сегодня у юного рыболова настоящий, большой праздник. И теперь все это его – рассветы, закаты... И неважно, какой у него цвет волос, и как его зовут.

Евгений Гридько